

На правах рукописи

АСОЧАКОВА Валентина Нестеровна

**ЗАПАДНОСИБИРСКАЯ МОДЕЛЬ ХРИСТИАНИЗАЦИИ:
ХАРАКТЕР, МЕХАНИЗМ, ОСОБЕННОСТИ
(на примере Хакасско-Минусинского края в XVII–XIX вв.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Томск 2011

Работа выполнена на кафедре истории России ГОУ ВПО «Хакасский
государственный университет им. Н.Ф. Катанова»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Быконя Геннадий Федорович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Дамешек Лев Михайлович

доктор исторических наук, доцент
Дутчак Елена Ерофеевна

доктор исторических наук
Октябрьская Ирина Вячеславовна

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный
университет», г. Красноярск

Защита состоится 14 октября 2011 г. в 15.00 часов на заседании диссертаци-
онного совета Д 212.267.03 при ГОУ ВПО «Томский государственный универси-
тет» по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 36, ауд.41.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Том-
ский государственный университет»

Автореферат разослан «___»_____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

О. А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертации определяется ролью, которую сыграло православие в истории коренных народов Сибири. Исторический опыт существования в полиэтническом и поликонфессиональном пространстве, накопленный российской государственностью, может помочь в формировании эффективной религиозной политики, выработке модели взаимоотношений государства, общества, религии, сохранении баланса между различными объединениями.

Реконструкция региональной и национальной идентичности также невозможна без исследования роли и места христианства в истории хакасского этноса. Научная значимость изучения христианизации коренных народов Сибири обусловлена широкими возможностями методологических и теоретических подходов, проблематики исследований и огромными информационными возможностями источниковедческого ресурса.

Кроме того, в изучении истории распространения христианства есть ряд существенных пробелов. Слабоизученной оказалась история христианизации коренного населения юга Приенисейского края, находившемся в основном на периферии Западной Сибири.

Целью диссертационного исследования является: комплексное изучение христианизации коренного населения Хакасско-Минусинского края как модификации христианизации в Западной Сибири в XVII–XIX вв.

Эта цель предусматривает решение следующих **задач**:

- 1) определить влияние универсальных и специфических демографо-географических, хозяйственных и социально-политических факторов на процесс и результаты христианизации хакасов;
- 2) выявить общую и локальную религиозную политику властей в отношении неправославных конфессий, реконструировать конфессиональную структуру населения Хакасско-Минусинского края с целью определения влияния вероисповедных факторов на христианизацию;
- 3) охарактеризовать становление православной церкви (управление, формирование кадров духовенства) как инструмента политики христианизации коренного населения;
- 4) проанализировать процесс формирования приходских общин как низовой ячейки христианизации;
- 5) охарактеризовать общую государственную модель христианизации коренных народов Западной Сибири;

б) реконструировать процесс (формы, методы, характер, эффективность) христианизации коренного населения Хакасско-Минусинского края в XVII–XIX вв.

7) оценить количественные и качественные показатели результаты христианизации, степень влияния православия на образ жизни и мировоззрение хакасов, их религиозную жизнь;

Объектом диссертационного исследования является христианизация коренных народов Сибири. **Предметом** – процесс, характер, механизм, результаты христианизации хакасов в конкретный исторический период.

Хронологические рамки исследования охватывают XVII–XIX вв. В XVII в. Хакасско-Минусинский край был включен в орбиту интересов России, появилось православное окружение, ставшее фактором христианизации коренного населения. В конце XIX в. завершился процесс крещения хакасов – к 1898 г. они практически все приняли христианство (совершили акт крещения).

Территориальные рамки исследования ограничиваются пределами современной Республики Хакасия, включая районы этнического расселения хакасов в XVII–XIX вв. Хакасско-Минусинский край, как природно-географическая зона, простирался по Енисею от устья Маны до Саянских гор, захватывая притрактную полосу, где в 30-х гг. XVIII в. по линии Ачинск – Красноярск – Канск – Нижнеудинск прошел Московский тракт. В территориально-административном отношении в XVII в. это земли Красноярского, юго-востока Томского и части Кузнецкого уездов. К концу XVIII в. расселение хакасов локализовалось и приблизилось к современной территории (Качинская, Яринская (до 1822 г.), Камасинская, Койбальская, Сагайская, Бельтырская, Кызыльская, Бирюсинская или Мрасская земли, образовавшиеся из родов Исарского, Тубинского, Алтырского, Алтысарского улусов). С 1822 г. – четыре степные думы (Качинская, Койбальская, Соединенных разнородных племен, Кызыльская) в составе Минусинского и Ачинского округов Енисейской губернии, а также левобережье Чулыма, входящее в Томскую губернию.

Методологической основой исследования явился комплекс методологических и теоретических подходов, общих принципов исторического познания, эвристических возможностей и теоретического инструментария ведущих отечественных и зарубежных школ.

Исследование осуществлялось в рамках системного подхода, который наиболее последовательно применялся в трудах ведущих российских историков И.Д. Ковальченко, Л.В. Милова, А.Н. Медушевского, Б.Н. Миронова и других.

Исследование Б.Н. Миронова отражает современное состояние отечественной исторической науки и послужило образцом научного исследования с точки зрения характера и иерархии проблематики, подходов, методов и принципов исследования¹.

Системный подход позволяет рассматривать христианизацию хакасов, как систему, складывающуюся и функционирующую в сознании во взаимодействии объективного и субъективного². Любая система имеет структуру в виде подсистем, блоков, элементов, которые находятся в иерархической связи. Объект и предмет исследования затрагивают духовную сферу, которая в трайбалистских и традиционных сообществах выражается в типе и характере религиозности. Она в свою очередь связана с внешней средой, определяющей хозяйственно-культурный тип (далее ХКТ), конкретный уровень социальности, трансформирующимися под влиянием межцивилизационных процессов. Перевод реальных процессов на известный уровень абстракции позволяет выявить механизмы, причинно-следственные связи, обеспечивающие существование религиозных верований, их трансформацию в сторону усвоения новых ценностей.

Следующий принцип исследования, историзм, связан с категориями времени, места и причинности, т. е. основными категориями диалектики, движения, развития. Исследование опирается на классические положения формационной теории: многовариантность, альтернативность, обусловленные многообразием природно-географических, исторических, социально-демографических условий. Цивилизационный концепт позволяет рассматривать исторический процесс с точки зрения всеобщности развития, понять генезис, характерные черты, тенденции развития различных социально-этнических общностей. В рамках обозначенной темы исследования религиозный фактор рассматривается в качестве одной из основных социокультурных, цивилизационных характеристик хакасского этноса.

Второй уровень методологии связан с использованием **исторических методов**. *Историко-типологический метод* позволяет создать теоретическую или идеальную модель и показать ее функционирование по горизонтали. В качестве такой модели выступила государственная политика христианизации. Западная Сибирь делится по типу природно-климатических, географических особенностей на три района: северный, западный и южный. Эта модель в условиях трех геогра-

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.) : в 2 т. 3 изд., испр., доп. СПб, 2003.

² Жидков В.С. Эволюция культуры: системный подход // Системные исследования: методологические проблемы : ежегодник, 1998. М, 2000. Ч. 2. С. 253.

фических зон Западной Сибири развивалась вариабельно. *Сравнительно-исторический метод* выясняет сходство и различие однопорядковых и разнорядковых явлений на протяжении трехсотлетнего периода. *Историко-генетический метод* необходим для выявления сходства и различий фактов, имеющих генетическое родство, не связанных непосредственно по происхождению, но действующих в единой исторической ситуации: социальные отношения и структура населения в Хакасско-Минусинском крае и в Енисейской губернии, общее, особенное и единичное; характер, этапы, темпы колонизационно-миграционных процессов, определивших дальнейшее развитие края с аналогичными процессами в Западной Сибири, на севере Приенисейского края.

В исследовании процесса христианизации использовались хронологический, проблемно-хронологический, синхронистический методы, а также метод периодизации. В совокупности они позволяют сопоставить разные этапы в процессе христианизации, функционировании различных институтов.

Особый уровень методологии исследования составили концепции, категории, понятия наук, изучающие различные стороны христианизации (социология, этнография, этнология, антропология, демография, культурология и другие). В рамках этнографии исследование опирается на представление об этносе, как результате влияния естественноисторических, социальных факторов и процессов, обусловивших собственно этнические свойства (язык, культура, этническое самосознание, закрепленное в самоназвании). Под этническим самосознанием понимаются «представления людей о собственном этносе, его свойствах»¹, в его формировании особую роль играет антитеза «мы» – «они». Религия может выполнять определенную этнообразующую роль, она тесно вплетена в этническую структуру общества. Христианизация рассматривается как один из механизмов межэтнического взаимодействия, динамического процесса диалектичного взаимовлияния этнических общностей.

Метод «локальной истории», «микроистория» или «местная история» – история изучения отдельных стран, народа, региона, района, города позволяет проследить весь ход исторического развития, конкретную «событийную историю» и, на сопоставлении и анализе частного, прийти к общему пониманию закономерностей развития. Важно отметить, что локальная история сегодня служит концептуальной основой преодоления ксенофобии и воспитания толерантного воспри-

¹ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М, 1981. С. 15.

ятия представителей других культур¹. Республика Хакасия является функциональным (институциональным) регионом, поскольку «границы фиксируются теми или иными властными структурами», территориальная, объективно и субъективно существующая единица, характеристику которой составляют во взаимосвязи такие факторы, как физико-географическая и экологическая среда, во многом диктующая тип хозяйственной деятельности человека, та или иная этнокультурная специфика населения, соответствующие черты его организации. Хакасия является культурно-региональным комплексом среднего таксономического уровня. Критерии выделения его в мезоединицу: административно-территориальное деление, сочетающее в себе управленческие структуры Российской империи и местные национальные формы управления, как формально-конституционно-закрепленные, так и сложившиеся исторически. Республика Хакасия – субъект Российской Федерации. Самобытность хакасского этноса является отражением природно-географических, социально-экономических явлений выделенной территории.

Антропологический подход позволяет изучать структуры и процессы в человеческом измерении. Мировосприятие и мировоззренческие установки людей обладают устойчивостью и воспроизводимостью. Они, с одной стороны, зависят от образа жизни, хозяйственного и общественного уклада, с другой – способны влиять на окружающий мир.

Элементы просопографического метода исторической социологии использовались с целью реконструкции социально-бытовой психологии приходского духовенства, новокрещеных, русских старожилов. В соответствии с методом были очерчены границы объекта, собран и систематизирован материал, выделены групповые характеристики.

Комплексный характер источниковой базы исследования определил **методы источниковедческого анализа**. В исследовании использовался только письменный тип исторических источников, поэтому основным методом источниковедческого анализа был сравнительно-текстологический. Изучение политики светских и духовных властей осуществлялось на основе структурно-генетического анализа законодательных источников в сочетании с литературно-юридическим методом истолкования правовых норм и лексических формул. Особенности реализации установок властей по политике христианизации можно изучить на основе анализа делопроизводственной документации в регионах. Структура этого вида источни-

¹ Румянцева М.Ф. Новая локальная история в проблемных полях современного гуманитарного знания // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого до и после «постмодерна»: материалы конференции / отв. ред. Л.П. Репина. М., 2005. С. 130.

ков определялась системой органов управления в Российской империи и сложившимися связями. Это разнородный по формам и структуре информации комплекс документов, для изучения которого применялись разработанные в отечественной дипломатике формулярный или клаузульно-формулярный методы. Для обработки статистических и источников церковного демографического учета (исповедные росписи, метрические книги) применялись типичные для анализа массовых источников статистические методы.

Сведения о культуре и традиционном мировоззрении хакасского народа транслировались посредством записок путешественников, ученых, чиновников, священнослужителей, источников личного происхождения и периодики. Применение метода ретросказания и элементов ретроспекции путем традиционного сравнительно-текстологического анализа и герменевтики текстов нарративных источников позволяют эксплицировать информацию позднего периода на ранних. Источники рассматривались в социокультурном контексте, как целостная презентация «чужой одушевленности»¹.

Научная новизна диссертации состоит в выборе темы исследования в региональном, хронологическом, тематическом плане, т. к. христианизация коренного населения Хакасско-Минусинского края до сих пор не была предметом специального исследования. Новизна состоит в методологическом подходе, применении метода моделирования. Введение в научный оборот широкого комплекса неопубликованных источников, в первую очередь источников церковного демографического учета позволили наполнить модель конкретно-историческим содержанием и реконструировать процесс христианизации в Хакасско-Минусинском крае. Исследование функционирования модели по горизонтали позволило выявить особенности модификации. Новизна состоит также в комплексном подходе, процессы рассматривались во взаимосвязи объективного и субъективного, в контексте всех внешних и внутренних факторов. Корреляция количественных данных и форм, методов на разных этапах христианизации привели к обоснованному выводу о роли и степени влияния различных факторов на исследуемые процессы

Междисциплинарный подход, использование инструментария, методов различных дисциплин, в первую очередь этнографии, социологии, антропологии привели к выводу о противоположности целей и результатов христианизации: вместо русификации и ассимиляции хакасов, у них активизировался процесс этнической консолидации и самоидентификации.

¹ Медушевская О.М. Теория и методология истории. М., 2008. С. 11–12.

Составлены статистические динамические количественные показатели христианизации, репрезентативность которых доказана посредством внутренней критики источников различного происхождения. Показаны динамика процесса, персональный состав новокрещеных; определены степень ассимиляции, консолидации, устойчивости в вере, исполнении православных обрядов, процесс формирования национальной элиты, ее роль в христианизации этноса; охарактеризованы личный и фамильный состав, происхождение, родственные связи, внутрисловная стратификация приходского духовенства.

Практическая значимость. В результате проведенного исследования создана необходимая систематизированная информационная база данных о политике христианизации в Российской империи. Собранный материал может быть использован для дальнейших научных исследований различных аспектов религиозной истории Хакасии и юга Красноярского края.

Исследование имеет значение для формирования конфессиональной политики в современном обществе. Отдельные теоретические положения могут быть учтены в политике социокультурного регулирования межконфессиональных и межнациональных отношений в Республике Хакасия, воспитание толерантности как принципа внутренней политики в поликонфессиональном окружении.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования изложены в монографии, учебном пособии, 10 статьях в научных рецензируемых журналах и изданиях из перечня Высшей аттестационной комиссии. Общий объем опубликованных работ более 70 п. л.

Положения, выводы и результаты исследования докладывались и обсуждались на региональных, всероссийских, международных конференциях: «Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий» (Абакан, 2003–2010) «Макарьевские чтения» (Горно-Алтайск, 2004–2010), «Сибирь на перекрестке мировых религий» (Новосибирск, 2006–2009), «Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов» (2007, 2008), VIII конгресс антропологов и этнографов (г. Оренбург), духовные «Свято-Иннокентьевские чтения» (2005–2010) и другие.

Материалы включены в «Энциклопедию Республики Хакасия» (2008). Используются учебном процессе в ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» по специальности и направлениям подготовки «История».

Исследование апробировано в при проведении государственной религиоведческой экспертизы Советом при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Хакасия, членом которого является автор.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность, объект и предмет, цель и задачи, методологические основы, методы исследования, научная новизна и практическая значимость полученных результатов.

Первая глава «Эмпирико-научная и источниковедческая основа моделирования процесса христианизации в Хакасско-Минусинском крае в XVII–XIX вв.» посвящена анализу работ и источников по теме исследования и состоит из трех разделов.

В первом разделе «Проблемы христианизации коренных народов Сибири в дореволюционной историографии» охарактеризован процесс накопления знаний о народах Сибири в XVII–XIX вв. В этот период развития исторической мысли в России основное внимание уделялось изучению официальной политики христианизации нерусских народов, освещению миссионерской деятельности церкви и духовенства. С методологической точки зрения для историков XVIII в. характерна оценка роли христианизации с позиций провиденциализма и традиционной христианской концепции о вселенском православном царстве.

Научный этап развития исторических знаний о народах Сибири, в том числе, хакасах, начался в период петровских реформ. В работах историков XVIII в. (Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер, В.Н. Татищев, М.М. Щербатов) отмечалось, что насильственная и поверхностная христианизация не изменяла образ жизни автохтонов и была безуспешной. При этом подчеркивалась необходимость просвещения «иноверцев». Наметившееся демократическое направление в общественной мысли характеризовалось гуманизмом, отсутствием расовых предрассудков в изучении культуры коренных народов Сибири и взаимовлияния русских и автохтонов (С.П. Крашенинников, И.Г. Гмелин, А.Н. Радищев).

Официальная историография XIX в. оценивала взаимоотношения русского и аборигенного населения Сибири как патерналистские и призывала слиться с русским народом, рассматривала их с позиции торжества христианского вероучения и цивилизаторской роли российской православной государственности. Будущее сибирских «инородцев» виделось в христианизации и переводе их на оседлый образ жизни (П.Н. Буцинский). Они освещали роль РПЦ как исторически предопределенную и просветительскую, отрицая насильственный и формальный характер крещения коренных народов Сибири.

Значительную роль в изучении автохтонов Сибири сыграли сибирские отделы Императорского Русского географического общества (ИРГО). В их деятельности принимали участие ученые и общественные деятели с народническим мировоззрением, сосланные в Сибирь (М.В. Певцов, П.А. Словцов, Д.А. Клеменц, А.В. Адрианов, Н.М. Ядринцев, С.Л. Чудновский, Ф. Кон). Они отмечали, что христианское просвещение – великая историческая миссия России, вместе с тем оно создало отвратительные формы рабства аборигенов под флагом обращения в христианство язычников.

В противоборстве и взаимной полемике с ведомственными, консервативными схоластическими и либеральными взглядами зародилась демократическая концепция исторического процесса (А.П. Щапов). Ее представители отмечали, что трудовая деятельность русского народа в одинаковых с местным населением природных условиях сближала и создавала общие интересы.

В условиях буржуазных преобразований стала утверждаться в качестве государственной «инородческой» образовательной программы миссионерско-просветительская система Н.И. Ильминского. Сформировалось общественно-политическое и культурное движение – областничество (Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев). Они связывали христианизацию с политикой колонизации, задачей которой было усмирение инородцев, подчеркивая влияние природно-географических факторов на развитие народов. Авторы отмечали единство эпического наследия Европы и Азии, считая, что христианство возникло в Южной Сибири или Северной Монголии. Заметный вклад в освещение интересующих нас вопросов внесли краеведческие работы (Н.Н. Козьмин, И.И. Серебренников, П.М. Головачев), в которых присутствуют оценки влияния русской церкви на жизнь коренных народов и всего сибирского общества в целом. В них содержатся отдельные разрозненные сведения по истории Хакасско-Минусинского края и функционирования в нем православной церкви.

Представители ведомственной церковной историографии (Ф.В. Благовидов) отмечали благотворные последствия христианизации. Другие (П.В. Знаменский, И.М. Покровский) вслед за светскими историками, негативно оценивали миссионерскую политику, связывая ее недостатки с изменением религиозной политики после провозглашения принципа веротерпимости Екатериной II.

Стало формироваться историко-этнографическое направление в изучении нерусских народов Российской империи: финно-угорских (И.Н. Смирнов), мордвы (В. Майнов, П. Мельников и др.), удмуртов (Г. Верещагин, Д. Островский, П.Н. Луппов), марийцев (В. Рогозин, Т. Семенов, П. Знаменский), чувашей

(В.К. Магницкий, В.А. Сбоев). В этом русле в 1897 г. группой под руководством А.А. Кузнецовой и П.Е. Кулакова было организовано комплексное исследование образа жизни, религиозных верований и языка хакасов¹. Авторы констатировали, что интенсивное «обрусение» хакасов было следствием христианизации.

Огромный вклад в изучение языка, культуры, религиозных верований автохтонов Сибири внесли исследования чувашский исследователь Н.В. Никольский, хакасский ученый Н.Ф. Катанов.

Возросло количество церковно-исторической литературы, посвященной миссионерской деятельности в Сибири и Поволжье (А.И. Сулоцкий, Н. Абрамов). Под влиянием церковной периодической печати сформировалась иркутская школа церковных историков, основоположником которой можно считать П.В. Громова (1801–1880). Активизировалось изучение сибирского старообрядчества (Д.Н. Беликов). Появились работы по истории православия и религиозных верованиях коренного населения Хакасско-Минусинского края, написанные местными священниками (А. Евтихийев, Н. Орфеев, В. Захаров, А. Лихачев, Б. Головин). В 1913 г. было опубликовано «Краткое описание приходов Енисейской епархии», до сих пор не утратившее своего значения.

В целом дореволюционной историографией был накоплен значительный эмпирический и научно-теоретический материал по истории религий различных народов Сибири, в том числе хакасов. При всем многообразии исследуемых проблем большая часть работ, касаясь преимущественно вопросов православного миссионерства и церковной истории, выражала официальную точку зрения. Многие аспекты христианского просвещения и этноконфессиональных процессов обойдены вниманием или получили одностороннюю трактовку, не появились специальные работы о христианизации коренного населения Хакасско-Минусинском края.

Во втором разделе «Освещение проблем христианизации в советской и современной историографии» охарактеризованы этапы, условия, методологические основы и проблематика научных исследований в послеоктябрьский период. Отмечено значение работ основоположника советского сибиреведения С.В. Бахрушина, который, следуя атеистической доктрине, негативно оценивал роль христианства в жизни аборигенов Сибири. В то же время он отмечал, что «правительство с большим тактом запрещало крещение инородцев»². В конце

¹ Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы : материалы для изучения. Красноярск, 1898.

² Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. / Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Петроград, 1922. Вып. 2. С. 21–22.

30-х гг. XX в. вышли работы о крещении коренных народов Тобольского Севера и приходских общинах новокрещеных (А.Г. Базанов, И.И. Огрызко). Появились исследования о христианизации нерусских народов Российской империи: Татарстана (А.Н. Григорьев), Поволжья (А.Ф. Эфиров), Чувашии (П.М. Макаров).

В период «оттепели» расширилась проблематика исследований, появились работы историко-этнографического, обобщающего и теоретического характера по истории коренных народов Сибири. В 1968 г. увидела свет «История Сибири», где миссионерская деятельность рассматривалась в контексте колониционной политики государства в Сибири. В работах сибирских историков Л.М. Дамешека, Л.П. Шорохова, Н.Н. Покровского, Н.Д. Зольниковой¹ рассматривались проблемы периодизации миссионерской деятельности, эволюции методов и форм крещения, механизма христианизации коренных народов Сибири, значения подарков и льгот, роли высокопоставленных «восприемников» для новокрещеных, организации и деятельности православной церкви, староверия в Сибири. Различные аспекты истории хакасского этноса получили освещение в работах Л.П. Потапова, К.М. Патачакова, И.А. Шибяевой, В.Г. Карцова, Г.Ф. Быконя².

В конце 1980-х гг. в отечественной исторической науке началось переосмысление марксистской методологии. Современный этап развития российской историографии (с 1991 г. до настоящего времени) характеризуется методологическим плюрализмом, междисциплинарностью. Получили дальнейшее развитие вопросы теории, методологии изучения этноса, межэтнических контактов и взаимодействия.

Стала возрождаться ведомственная церковная историография. Ее представителей по-прежнему отличают идеализация роли РПЦ в истории России, отрицание русификаторской направленности миссионерства, преувеличение культурно-просветительской деятельности церкви в Сибири, разработка популярного тезиса о самостоятельности православного миссионерства (И.Н. Экономцев,

¹ Дамешек Л.М. Социально-экономическое развитие Сибири в XIX–XX вв. Иркутск, 1976; Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII вв. (развитие феодальных отношений и их особенности). Красноярск, 1983; Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974; Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири. (XVIII век). Новосибирск, 1981.

² Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1952; Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). Абакан, 1958; Шибяева Ю.А. Влияние христианизации на религиозные верования хакасов (религиозный синкретизм хакасов) // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л., 1979. С. 180–197; Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII – первая половина XIX вв.). Абакан, 1970; Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981.

Б.И. Пивоваров, Г. Фаст). Появились работы историков, ранее не публиковавшиеся по идеологическим причинам (Д.В. Поспеловский, А. Каппелер, П. Верт, Р. Гераси, Ф. Беннингсен-Брайан, А.А. Знаменский).

Под влиянием зарубежной историографии сформировался ряд научных школ российских историков. В этом плане заслуживает внимания трактовка проблемы социокультурного взаимодействия в рамках американской концепции «фронттира» (Ф.Ф. Тернер, 1893 г.) томской, новосибирской научных школ и других историков¹. Изменение отношения государства и общества к религии проявляется в совместных государственно-церковных изданиях христианских, православных энциклопедий, словарей и другой массовой печатной продукции.

Продолжилась разработка отдельных аспектов христианизации, расширилась география исследований: Поволжье, Удмуртия, Забайкалье, Прибайкалье, Северо-Восточная Азия, Дальний Восток, Бурятия и другие регионы Российской Федерации. Защищено около десятка докторских (Л.А. Таймасов, Л.А. Тресвятский, И.С. Цыремпилова, В.Ю. Софронов и др.) и более 20 кандидатских (Н.Н. Байдакова, И.Ю. Ванина, А.А. Ипатьева, А.П. Санников, Г.П. Головчанский,

Н.В. Крайсман, Э.Г. Касимова, Е.М. Берестова З.А. Шагжина, Н.В. Расова и др.). Появились обобщающие монографии (А.В. Дулов, А.П. Санников, В.Ю. Софронов, Г.Ш. Мавлютова). В настоящее время развивается «новая историческая демография», т. е. направление исследований, связанное с изучением массовых историко-демографических источников (М.Е. Чибисов). В этом направлении успешно работают алтайские историки. Ими исследованы формуляры и структуры церковных источников, доказана их репрезентативность и информационная ценность.

Одним из аспектов исследования христианизации коренных народов Сибири является анализ взаимосвязи колонизации и христианизации, этнокультурных стереотипов контактирующих этносов. В этом контексте проведены исследования религиозных изменений хантов (Е.М. Главацкая), якутов (Т.В. Жеребина), шорцев (Д.В. Арзютов). Продолжается изучение церковно-приходских организаций новокрещеного ясачного населения как инструмента христианизации коренных народов (А.П. Николаев, А.М. Адаменко). Появились работы, в которых за-

¹ Европейские исследования в Сибири : материалы региональной научной конференции, 10–11 декабря 1999 г. Томск, 2000. Вып. 2; Томск, 2001. Вып. 3; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. / Д.Я. Резун [и др.]. Новосибирск, 2001; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное : сб. ст. Новосибирск, 2003.

трагиваются вопросы христианизации, духовных, мировоззренческих, этнокультурных, обрядовых аспектов жизни хакасов (А.Н. Гладышевский, Л.И. Шерстова, В.Я. Бутанаев, Л.В. Анжиганова, В.Н. Асочакова¹).

Несмотря на наличие обобщающих работ, разработанность проблемы в теоретическом и конкретно-историческом аспектах, по-прежнему остаются дискуссионными вопросы степени самостоятельности РПЦ в осуществлении миссионерской деятельности, характере христианизации, роли христианства в истории народов Сибири, эволюции форм, методов. До сих пор отсутствуют исследования по истории РПЦ и христианства в Приенисейском крае позднефеодального периода, не стала предметом специального комплексного исследования христианизация хакасов.

В третьем разделе «Источниковая база исследования» охарактеризованы источники, дана их внутренняя критика.

Исследование опирается на комплекс опубликованных и неопубликованных источников (56 фондов девяти архивов Российской Федерации). По происхождению, целевому назначению, репрезентативности, т.е. с точки зрения прагматического аспекта информации², они подразделяются на законодательные акты и распоряжения центральных светской и духовной властей; материалы делопроизводства центральных и местных органов государственной власти и церковного управления, официальная переписка; материалы учета населения, статистика; источники личного происхождения; работы современников-исследователей Сибири; периодическая печать.

Государственные указы, распоряжения Сената, Синода позволяют выявить характер конфессиональной политики Российского государства, РПЦ, методы христианизации нерусских народов, правовой статус новокрещенных и ряд других вопросов. Большая часть их опубликована в «Описаниях документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода», «Полном собрании постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи», «Сборнике законоположений и распоряжений по духовной цензуре, ведомства православного исповедания с 1720 по 1870 год», «Докладах и приговорах, состо-

¹ Анжиганова Л.В. Эволюция мировоззрения хакасов. Абакан, 2007; Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005; Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003.

² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 105.

явшихся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого», «Сенатском архиве».

Документы текущего, учетного и отчетного делопроизводства духовных ведомств (Святейшего Синода, Московской канторы Синода, Духовного ведомства, дела по Синоду канцелярии Сената, Тобольской, Красноярской, Иркутской и Томской консисторий, Минусинского благочиния и приходских церквей) явились основой для анализа локальных особенностей христианизации. Большая часть документов находится в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Тобольского филиала государственного архива Тюменской области в г. Тобольске (ТФ ГАТО в г. Тобольске), Архивного агентства администрации Красноярского края (ААА КК), Иркутского государственного архива (ИГА), Государственного архива Томской области (ГАТО), Государственного учреждения Республики Хакасия «Национальный архив Республики Хакасия (ГУРХ НАРХ), Муниципального учреждения архива г. Минусинска (МУ АГМ). Материалы представлены шестью направлениями: общие дела епархиального управления; документы по личному составу духовенства (ставленнические дела, клировые ведомости); дела по имущественному управлению и строительству церквей; дела о проступках и преступлениях духовенства и светских лиц судебнo-следственные дела; дела о раскольниках и других инославных конфессиях.

Документы текущего делопроизводства управления Сибирью, использованные в исследовании, находятся в фондах Сибирского приказа, Канцелярии Сената (РГИА), Главного управления Восточной Сибири (ИГА), Томского губернского управления (до 1822 г.) (ГАТО). Фонды этих учреждений содержат циркуляры центральных и местных органов власти, отчеты чиновников, прошения и приговоры представителей разных сословий, в том числе аборигенов, отчеты духовных миссий и др. Документы местных органов управления сохранились в фондах Степных дум НАРХ (сведения по сбору ясака, статистические сведения о жителях думы и их общественном имуществе, таблицы по учету жителей думы, занимаемых ими земель, промыслового хозяйства и количества сбора податей, ведомости о народонаселении инородцев Красноярского округа).

Материалы учета населения, статистика, источники церковного демографического учета (исповедные или духовные росписи, ведомости о «крещении инородцев», материалы по учету образовательного ценза, ведомости об учениках в семинарии, метрические книги и исповедные росписи) отнесены к массовым источникам, поскольку для них характерны ординарность обстоятельств происхож-

дения; однородность, аналогичность или повторяемость содержания; однотипность форм, тяготеющая к стандартизации; наличие законодательно установленного, а также сложившегося или складывающегося формуляра. Это позволило применить к ним общие принципы и методы сбора информации, обработки и анализа сведений.

Часть статистических материалов была опубликована: «Статистическое описание» (1810), «Статистическое обозрение Сибири» Ю.А. Гагемейстера (1854), а также в «Памятных книжках Енисейской губернии» (1863, 1865, 1898). Также были использованы опубликованные и неопубликованные материалы всеобщей переписи населения и работы С.К. Патканова¹.

Нарративные источники представлены путевыми записками, дневниками ученых, путешественников, приходских священников, чиновников; опубликованными материалами научно-исторического, историко-географического характера, этнографическими описаниями. Особенностью данного этапа христианизации коренных народов Сибири является отсутствие письменных свидетельств крещеных и некрещеных автохтонов. Вместе с тем, различные виды письменных источников содержат устные источники, характеризующие отдельные аспекты истории общества, духовного развития, формы культурной деятельности. Среди подобных работ определенный интерес представляют материалы участников экспедиций Академии наук (Д.Г. Мессершмидт, Ф.И. Страленберг, И.Г. Гмелин, Г.Ф. Миллер, И.Е. Георги, П.С. Паллас, И.П. Фальк), историко-краеведческие работы авторов XIX в. (А.П. Степанов, Г.И. Спасский, М.А. Кастрен), труды членов ИРГО (Н.А. Костров).

Автокоммуникативные источники личного происхождения представлены дневниками, записками, воспоминаниями преосвященных Никодима, Исаакия – енисейских епископов (ААА КК), миссионеров Алтайской духовной миссии В. И. Вербицкого и С. В. Ландышева (РГИА, ГАТО), миссионера Усинского края Н. Путилова (опубликованы в виде дневника в «Сибирском архиве» и «Енисейских епархиальных ведомостях»).

Периодические печатные церковные издания, такие как «Енисейские епархиальные ведомости», «Иркутские епархиальные ведомости», «Томские епархиальные ведомости», «Тобольские епархиальные ведомости», выходившие со второй

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Енисейская губерния. СПб, 1904. Т. 83; ААА КК. Ф. 595 : Енисейское губернское правление. Оп. 48. Д. 70, 71, 72; Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения России, язык и роды инородцев. СПб., 1911. Т. 2 : Тобольская, Томская, Енисейская губернии. 1911.

половины XIX в., печатали различные статистические материалы, отчеты, духовную литературу, историко-этнографические описания.

Эмпирико-научная база исследования позволяет создать модель христианизации коренных народов Западной Сибири, реконструировать процесс ее реализации в Хакасско-Минусинском крае в XVII–XIX вв., выявить особенности модификации.

Вторая глава «Экосоциокультурный контекст христианизации хакасов в XVII–XIX вв.» посвящена анализу внешних условий христианизации коренного населения Хакасско-Минусинского края и состоит из трех разделов.

В первом разделе «Демографо-географические условия» выявлено влияние на христианизацию природно-географических и этнодемографических условий.

Хакасско-Минусинский край на протяжении всего изучаемого периода оставался наиболее благоприятной в природно-климатическом отношении зоной для аграрного и индустриального освоения. Но наличие разных природно-климатических зон (тайга, степь, горные и речные системы) негативно повлияло на проведение христианизации. Географические условия определили пути продвижения русских в Хакасию по правому и, частично, левому берегам Енисея, вклиниваясь во владения бывших хакасских княжеств. Следствием этого явилось возникновение межэтнических контактных зон в местах расселения русских, в которых по логике процесс ассимиляции хакасов, особенно оседлых и новокрещеных, должен был осуществляться более интенсивно.

На демографическое развитие Хакасско-Минусинского края оказывали влияние факторы, такие как: постоянный приток русского населения, строительство Московско-Сибирского тракта, горнорудного производства, развитие золотодобывающей промышленности с 30-х гг. XIX. В результате к концу первой четверти XIX в. завершилось расселение русских. Таким образом, ведущим источником формирования населения был не естественный прирост, а легальные переселения крестьян из европейской части России, внутрисибирские миграции, ссылка, возвращение из Джунгарии части уведенных в 1703 г. хакасов.

Особенностями заселения Хакасско-Минусинского края со второй половины XVIII в. были мирное аграрное освоение, наличие поселений разного типа (села, деревни, заводские поселки, заимки, улусы, зимовища), формирование зон смешанного чересполосного расселения. Такой тип расселения пришлого и коренного этносов задержал процесс консолидации и самоидентификации хакасского народа. В тоже время в контактных зонах более интенсивно и органично шли про-

цессы этнокультурного взаимообмена, стирания внутриэтнических различий, ускорялась ассимиляция на иной культурной основе.росло количество населенных пунктов совместного проживания хакасов и русских, а также различных хакасских родов-сеоков.

Анализ динамики численности хакасского и русского населения Хакасско-Минусинского края показал, что количество коренного населения за XVIII в. выросло более чем в 4,5 раза, за первую половину XIX в. – в 2,2. При этом на всем протяжении изучаемого периода доля хакасов в составе всего населения сокращалась.

Общим итогом демографического развития Хакасско-Минусинского края к концу XIX в. было то, что при интенсивном приросте населения (за 36 лет увеличилось в 2,3 раза) доля коренного населения сократилась с 36,5 до 17 %. Русское население составило 78,6%; появились другие национальности: мордва, латыши, поляки, эстонцы, татары, немцы, финны, цыгане, евреи, чуваша, зыряне-коми, литовцы, молдаване.

Темпы прироста населения в крае были выше общероссийских и сибирских показателей. Более медленный, по сравнению с русским населением, рост хакасского этноса, диспропорции в этнической структуре создали предпосылки для его ассимиляции и выравнивания демографического поведения с русскими. Таким образом, объективно внешние условия были благоприятными для христианизации. Но высокая плотность заселения и численное преобладание русских вызвали процесс территориальной и этнической консолидации хакасов, форсировали общую самоидентификацию.

Общее бурное демографическое развитие осложняло решение задачи христианизации коренного населения, хотя низкая плотность аборигенного населения и колонизационно-миграционные процессы были благоприятны для христианизации. Следовательно, отмеченные географо-демографические условия, в которых пришлось действовать светским и духовным властям и низовой структуре РПЦ в Хакасско-Минусинском, были сложными и в целом не способствовали реализации ведомственных и общегосударственных задач.

Во втором разделе «Хозяйственные условия христианизации» проанализирована хозяйственная деятельность хакасов, ее изменения в XVIII–XIX вв., связанные с русской колонизацией с точки зрения предпосылок христианизации и влияния на формы, методы и результаты

Традиционное хозяйство хакасов носило комплексный характер и представляло собой триаду: пастбищное скотоводство (с сезонными перекочевками), охо-

ту и земледелие. Каждый вид деятельности был комплексным, а хозяйство, несмотря на слабое развитие орудий труда, оставалось рентабельным и обеспечивало его простое и расширенное воспроизводство. Натуральное хозяйство хакасов было связано с освоенным пространством, саморегулирующейся жизнеобеспечивающей системой. Ведение такого комплексного хозяйства возможно только при наличии больших территорий, что мешало устойчивым хозяйственным и бытовым контактам.

Факторами развития Хакасско-Минусинского края с XVII в. стали русская колонизация, вызвавшая создание новых хозяйственных и культурных форм; формирование новых этнотерриториальных групп, ясак, строительство металлургических заводов в XVIII в., бурное развитие золотопромышленности с 30-х гг. XIX в.; появление городов и торгового движения по рекам и Московско-Сибирскому тракту.

В результате переселений хакасских родов-сеоков произошел разрыв давно сложившихся территорий, подверглись деформации прежние ХКТ, стали формироваться новые историко-культурные области. Быстрый количественный рост населения привел к подъему земледелия, так как возрастал спрос на хлеб новых поселенцев, промыслового, заводского населения, работников золотых приисков. Хозяйственные новации коммутировали ясачную политику. Замена пушнины деньгами, влияние всероссийского рынка, включение в единую общесибирскую экономическую систему способствовали появлению в традиционном хозяйстве хакасов отношений иного типа. В результате чего происходят укрупнение скотоводческих хозяйств, усиление имущественной дифференциации, классовое разложение феодально-кабального типа и, даже, формирование раннебуржуазных отношений через вольный найм. Развитию золотопромышленности сопутствуют раннебуржуазные социально-экономические и инфраструктурные изменения.

Этносоциальное, культурное взаимодействие способствовало усложнению социально-экономической, политико-культурной жизни хакасского народа. Начался процесс перерождения старой родоплеменной элиты в лидеров этнонационального типа. Отдельные представители родовой верхушки приспособились к новым условиям и стали развивать крупное товарное скотоводство, сопровождавшееся кабальными и вольнонаемными формам эксплуатации. Они наиболее успешно воспринимали русскую цивилизацию, не порывая с прежней ментальностью и шаманистской обрядностью, гибко используя присущее русскому православию двоеверие. Консолидация хакасского этноса способствовала устойчивости хозяйственно-бытового уклада в процессе столкновения с русскими, но в

контактных зонах происходило этнокультурное взаимодействие в хозяйственно-экономической и бытовой сферах, частичное заимствование приемов хозяйственной деятельности, технологий и орудий труда.

Хозяйственно-бытовые контакты расширяли возможности христианизации. Хозяйство кочевников было менее устойчивым, чем комплексное хозяйство крестьян, что вовлекало их, особенно при джутах, в хозяйственно-бытовой уклад русских. Хозяйственная жизнь хакасов определялась разнообразием хозяйственно-культурных типов, а отгонное и смешанное скотоводство приводило к временному проживанию, частым перекочевкам, что не благоприятствовало процессу христианизации.

Активизация с 1861 г. хозяйственной жизни, развитие товарно-денежных отношений, особенно в золотопромышленности, с одной стороны подрывало основы всех трех традиционных ХКТ у части хакасского населения. С другой стороны, негативные черты, связанные с новыми явлениями, отталкивали хакасов от «русского» образа жизни.

Этнокультурное взаимодействие хакасского и русского народов в хозяйственной и бытовой сферах, заимствование приемов хозяйственной деятельности, технологий и орудий труда создавали относительно благоприятные предпосылки для христианизации различных групп хакасского этноса. В условиях социокультурного и хозяйственного взаимодействия осуществлялся процесс двустороннего познания, определявшийся числом и качеством контактов. Хозяйство хакасов сохраняло натуральный, комплексный характер, связь с рынком оставалась потребительской и эпизодической. Вся система хозяйства носила неспециализированный, экологически сбалансированный характер. Поэтому религия и культура хакасского этноса, как и у других народов Сибири – представителей так называемых «природных сообществ», следующих шаманистской традиции, были ориентированы на сохранение существующего равновесия с природой, гомеостаза с ней. Относительная застойность хозяйственных и социальных структур у скотоводческих народов Сибири сохранилась и во второй половине XIX – начале XX вв. Это обуславливалось исторически сложившейся полукочевой экономикой с низким уровнем развития производительных сил, значительной замкнутостью национальных регионов с небольшой численностью населения. Определенную консервативную роль играли природные условия засушливых степей.

В третьем разделе «Социально-экономические и политические условия христианизации» охарактеризована структура населения Хакасско-Минусинского края, ее эволюция в условиях христианизации. В основу стратеги-

фикации общества был положен этакратический принцип, выделены неподатные группы: духовенство и казачество; податные – городское население (Минусинска и Ачинска), крестьяне, ясачные. Количественные показатели приведены в двух таблицах: структура населения приходских общин в конце XVIII в. и в 1861 г. Данные о населении в конце XIX в. основываются на материалах Всеобщей переписи населения 1897 г. и статистических данных.

Казачество использовалось царским правительством для выполнения полицейских, политико-административных и хозяйственно-организаторских функций. В начале освоения края казачество составляло 75% русского населения, в конце XVIII в. – 4,4%, к 1861 г. – 6,6%. К концу изучаемого периода его численность возросла в 5,7 раз. Для казачества было характерно численное преобладание мужского населения, приводившее к негативному демографическому следствию, т.е. низкой рождаемости. Поэтому имели место иносословные источники пополнения казачества за счет разночинцев, детей отставных солдат, местных крестьян и посадских (последние, оставаясь в тяглом состоянии, зачислялись на жалованье и провиант). Незначительную роль в формировании казачества играло ясачное население – от одиночек (30 человек) в первой четверти XVIII в. до 0,5% в 60-е гг. XIX в. Роль казаков в процессе христианизации коренного населения Хакасско-Минусинского края носила двойственный характер – с одной стороны отношения хакасского и служилого населения исторически формировались как конфронтационные, с другой – в казачьей среде больше, чем в других социальных группах, было смешанных браков. Казаки, расселяясь в приграничных территориях, быстрее и чаще перенимали опыт сопредельных народов, сохраняя при этом русско-христианский исторический тип.

Духовенство Хакасско-Минусинского края было представлено приходскими священно- и церковнослужителями. В течение всего периода доля духовенства в структуре населения изменилась несущественно (с 0,6% до 0,7%), т.е. отставала в 1,5 раза от его численности в Европейской России. Следствием такой ситуации была нехватка духовенства и низкая квалификация приходского духовенства, что могло негативно влиять на политику христианизации.

Особенностью городских сословий было то, что они могли жить и жили в сельской местности (до 90% в начале XIX в.), что расширяло спектр и возможности их контактов с коренным населением. Общая тенденция развития категорий городского населения с конца XVIII в до 1861 г. проявилась в снижении относительных показателей с 6% 2,4% и незначительном росте абсолютных. После го-

родской реформы к концу XIX в. оно составляло 7% всего населения Хакасско-Минусинского края.

Основную массу непривилегированного населения Хакасско-Минусинского края составляли крестьяне: 60,3% в конце XVIII в., 62,6 – в 1861 г., 60 – 1897 г. В течение изучаемого периода его абсолютная численность увеличилась в четыре раза. Часть крестьян проживала в городах, в том числе в Минусинске, где они составляли 26% городского населения. Крестьянское население было представлено преимущественно государственными крестьянами, состоявшими на $\frac{3}{4}$ из старожилов. В Хакасско-Минусинском крае, как и в Сибири в целом, медленнее, чем в Европейской России, шел процесс «раскрестьянивания» из-за наличия большого количества свободных земель.

С развитием золотопромышленности появилась новая социальная группа – приисковые рабочие, основной контингент которых составляли ссыльные. В 1795–1897 гг. их численность возросла с 2,9 до 5,9%, с 40-х гг. XIX в. среди них появляются хакасы. В этой среде процесс знакомства автохтонов с другими хозяйственными укладами шел наиболее интенсивно.

Доля ясачных в структуре населения неуклонно сокращалась: в начале XVIII в. их было 88,2%, а в 1861 г. – 36,6%; в 1897 г. – 17%. Русские власти до ясачной комиссии 1764 г. не выделяли хакасскую знать из основной массы родовичей, но традиционная внутренняя иерархия сохранялась. Некоторых представителей хакасской знати (Г. Ульчугачев, Кочелор, Амзор) администрация использовала для реализации правительственной политики, в частности, христианизации, назначив башлыками. После 1764 г. хакасская знать стала трансформироваться в низовое звено административного аппарата управления. В ее среде формируется про-русски ориентированная часть, ставшая опорой политики христианизации коренного населения. Под влиянием социально-экономических процессов в первой половине XIX в. изменилась стратификация хакасского общества, обозначился процесс имущественного и социального расслоения: в среднем 3,5% зажиточной верхушки владело 89% скота в Хакасско-Минусинском крае. Особенно ярко эти процессы происходили у качинцев, которым принадлежало $\frac{2}{3}$ всего скота.

Социально-экономические отношения и сословно-классовая структура населения характеризовались ярко выраженной многоукладностью с присущей ей качественной асинхронностью и дистадиальностью, существовавших одновременно. Население характеризовалось чертами общества традиционного типа, процессы модернизации затронули его в незначительной степени. Удельный вес корен-

ного населения при его общем росте сокращался, с экономической точки зрения оно было менее устойчиво и защищено, чем русское население. Ясачное население втягивалось в товарно-денежные отношения, что приводило к социальному разложению, активизации контактов с пришлым населением. Но увеличение доли русских переселенцев со второй четверти XIX в. ослабляло их хозяйственно-культурное влияние на хакасское население, что в целом сужало социальную базу политики христианизации.

Социальные предпосылки были относительно благоприятны для христианизации: подавляющая масса населения состояла из крестьянства и категорий населения, ведущих крестьянский образ жизни (крестьяне, казаки, мещане) и исповедующие бытовое православие, изначально синкретичное по своей сути. Но множество социальных, этносоциальных групп, границы между которыми были размыты, затрудняло контакты и процесс интеграции общества.

Третья глава «Церковно-административные структуры христианизации в Хакасско-Минусинском крае» состоит из трех разделов.

В первом разделе «Религиозные сообщества в Хакасско-Минусинском крае» охарактеризованы религиозная политика Российского государства и вероисповедная структура населения. В России сложилась иерархия конфессий: господствующее положение занимала РПЦ, к признанным относились христианские неправославные католическая и протестантская церкви и нехристианские – буддизм, ислам, иудаизм, язычество. Выделялась группа терпимых религиозных верований – старообрядцы и некоторые секты. К непризнанным и нетерпимым государство относило пашковцев, духоборов, молокан, субботников, скопцов. Доминирующий статус православной церкви был возможен только в условиях ограничения неправославных конфессий.

Особенностью религиозной ситуации в Хакасско-Минусинском крае, в отличие от народов Волго-Уральского региона, Алтая, Бурятии и других национальных территорий, было отсутствие ислама и буддизма. Традиционной религией хакасского народа был шаманизм, игравший интегрирующую роль и осуществляющий взаимосвязь этноса с природой.

Анализ политики по отношению к старообрядчеству, истоков и путей появления на юге Приенисейского края, показал, что в Хакасско-Минусинском крае решение этого вопроса отвлекало от христианизации коренного населения. К 1861 г. 43,4% всех старообрядцев Енисейской губернии жили на юге губернии. С 60-х гг. XIX в. старообрядческий вопрос еще более обострился в связи с формированием в Усинском крае центра старообрядчества, осуществлявшего активную миссионерскую деятельность. К концу XIX в. старообрядцы составляли 5,8% на-

селения. Из семи миссионерских приходов, два выполняли противораскольничью миссию.

В Хакасско-Минусинском крае было относительно небольшое количество сект. Они были представлены скопцами, молоканами, духоборами и субботниками. Сложность подсчетов количества и выявления духовно-обрядовых традициях связана с их скрытым образом жизни. К 1861 г. всего в Енисейской губернии числилось 224 скопца, 70% их проживали в Хакасско-Минусинском крае. Духоборы были сосланы в Восточную Сибирь после 1833 г., в Хакасско-Минусинском крае они появились вместе «киселевскими» крестьянами.

Религиозная политика по отношению к католикам и лютеранам эволюционировала под влиянием геополитических и внутривластных факторов. Выявлена история появления представителей христианских конфессий в Хакасско-Минусинском крае.

Конфессиональная структура населения Хакасско-Минусинского края в 1861 г. выглядела следующим образом: носители официального православия – 61,8%, шаманисты – 18,5% от общего состава населения (50,58% всех хакасов); староверы – 0,96%; сектанты – 0,16%; католики – 0,3%; протестанты – 0,16%; иудеи – 0,06%; мусульмане – до 0,16%.

В конце XIX в. в Хакасско-Минусинском крае православные по-прежнему составляли 95,7% русского населения. В связи со строительством железной дороги появились штундо-баптисты, увеличилось число католиков и молокан. Изменения коснулись в первую очередь доли и роли старообрядчества.

Таким образом, конфессиональный состав населения был менее сложным, чем в других районах Сибири, таких как Горный Алтай, Бурятия. Это создавало относительно благоприятные условия для реализации политики христианизации, поскольку народы, исповедовавшие буддизм и ислам, упорнее сопротивлялись христианской миссии, чем шаманисты и язычники.

Незначительное количество неправославных конфессий явилось результатом политики религиозного изоляционизма, проводившейся в силу приграничного положения Хакасско-Минусинского края и наличия автохтонов. Важными условиями локализации конфессий являлись природно-географические условия, естественным образом ограничивающие миграцию коренного и пришлого населения и снижающие возможности этнокультурных контактов.

Наличие локальных конфессий в христианстве затрудняло христианизацию. Приоритетной задачей для миссионеров на юге Енисейской губернии являлась борьба с расколом, что отвлекало духовенство от христианизации коренного на-

селения. К неблагоприятным факторам относятся и бытовой характер русского православия и двоеверие, носителями которого выступало русское население, представленное преимущественно крестьянами и казаками. В бытовом поведении части русского населения в новых природно-географических условиях, под влиянием пестрого этнического и конфессионального мира происходило закрепление языческих представлений, отклонения от официальных сакральных форм в сторону мирского конкретно-практического опыта.

Во втором разделе «**Церковно-административное управление и кадры духовенства**» охарактеризовано управление РПЦ в Хакасско-Минусинском крае, формирование приходского духовенства (источники, стратификация, содержание, профессиональные качества, образовательный уровень) для определения степени готовности к реализации политики христианизации.

Характерной чертой системы управления РПЦ были окончательное подчинение государству и бюрократизация. Система развитого местного самоуправления хакасов была привязана к традиционной родоплеменной структуре и хозяйственной специфике родов-сеоков, она способствовала сохранению самобытности и закреплению традиций, духовных устоев и консервации внутриплеменных отношений. Административно-территориальное деление Хакасско-Минусинского края характеризовалось тем, что рода-сеоки одновременно и попеременно входили в Томский, Красноярский, Кузнецкий уезды Тобольской, Колыванской, Томской, позже – Енисейской губернии.

Церковно-территориальная организация Хакасско-Минусинского края с начала освоения входила в состав Красноярского (1744 г.) и Ачинского (1783 г.) заводов Тобольской митрополии (с 1768 г. – епархии) до 1823 г., затем с 1823 по 1834 г. – Иркутской епархии, в 1834–1861 гг. – Томской епархии, с 1861 г. – Енисейской. Отдаленность от епархиальных центров снижала контроль за деятельностью низовых структур этой системы. Укрепление консисторского и епархиального звена церковной организации способствовало улучшению контроля над приходским духовенством, т.е. основным звеном церковной организации. Разукрупнение епархий, рост количества церквей свидетельствовали об интенсивном процессе освоения новых территорий.

Особенности этнодемографических и социально-политических условий Хакасско-Минусинского края осложняли задачи управления, функционирования церковно-территориальных организаций и обеспечения их кадрами. Управление церковно-территориальными организациями Хакасско-Минусинского края осуществлялось в условиях несовпадения границ государственного, ведомственного,

в том числе церковного и национально-территориального деления, что затрудняло связь центральных и местных властей, препятствовало реализации непосредственных обязанностей РПЦ. Правительство стремилось ввести епархии в рамки губерний, но до конца XVIII в. территории епархий были значительно больше по размерам, чем территории губерний, что не позволяло светским властям активно участвовать в решении задач христианизации.

Особенностью приходского духовенства Хакасско-Минусинского края были семейственность (48% составляли несколько фамилий), наследственность служебных мест, служилое происхождение. К концу XVIII в. оно на 96,4% стало потомственным. Образовательный уровень повышался очень медленно: в 1772 г. не было ни одного, получившего специальное образование, во второй четверти XIX в. 23,8% детей духовенства обучались в духовных семинариях и училищах, в 1861 г. – 70,5%. Доходы хакасского духовенства были недостаточны, что также влияло на их профессиональные качества. Во второй половине XVIII в. сформировался достаточный внутрисословный резерв, но, несмотря на высокий естественный прирост, недостаток кадров составлял 30–40%. Для решения кадровой проблемы в 20-е гг. XIX в. в Хакасско-Минусинский край была направлена группа священнослужителей из западных районов Сибири, а с 1843 г. – из внутренних российских епархий. Вначале их доля была невелика, но постепенно они вытесняли местное духовенство из высших разрядов и к 1861 г. среди штатных служителей только 28,7% имели местное происхождение. Приходское духовенство, отвечавшее за духовное «окормление» и обращение в православную веру сформировалось намного позже, чем в других частях Сибири. Среди клира так и не появились представители аборигенного населения.

Незавидное состояние личного состава приходского духовенства в Хакасско-Минусинском крае, как и в целом в Сибири, негативно влияло на процесс и результаты христианизации, так как миссионерской деятельностью занимались преимущественно приходские священники. В результате демографо-географических и социально-политических особенностей края в течение всего периода доля духовенства в структуре населения сокращалась, несмотря на увеличение православного населения.

Между коренным этносом и приходским клиром были значительные сословно-классовые, политические и социокультурные различия. Выявленные в Хакасско-Минусинском крае особенности управления, практика, ход и результаты формирования приходского духовенства в несколько смягченной форме отражают общероссийские явления в этой области.

Таким образом, состояние церковно-административного управления и личного состава приходского духовенства в Хакасско-Минусинском крае и в целом в губернии, не были благоприятными для решения конфессиональных задач, что негативно сказалось на осуществлении политики христианизации коренного населения.

В третьем разделе «Приходская община как низовая ячейка христианизации» проанализированы роль приходского духовенства в распространении православия среди коренного населения, взаимоотношения с приходским миром, устройство приходских общин, место и значение аборигенной администрации в общинах и в целом, значение приходских общин новокрещеных в распространении христианства.

Важной особенностью структуры РПЦ в Хакасско-Минусинском крае было отсутствие монастырей, походных станов, ружных церквей и миссий. Формирование церковно-территориальной структуры было обусловлено образованием постоянного русского населения и необходимостью политического и идеологического закрепления присоединенных территорий. В XVII в. немногие новокрещеные, обитавшие в Красноярской, Канской и Качинской степях, входили в подгородные приходы Красноярска, Ясаулово, Ладейского. Первые приходы образовались в острогах (Караульный, Абаканский), со второй четверти XVIII в. – при заводах (Луказский, Ирбинский, в 1774 г. – Езагашский). Заводские приходы находились в административном подчинении Колывано-Воскресенского заводского управления. Из трех заводских приходов два: Луказский и Езагашский – прекратили свое существование к концу XVIII в., а Ирбинский – в 1830 г. Главной причиной была убыточность заводов, сыграла свою роль и маломощность приходских общин. Сельские приходы формировались в основном с последней трети XVIII в. в связи с новым этапом освоения притрактовой зоны, толчок которому дала Семилетняя война. Приходы новокрещеного ясачного населения образовались в последней трети XVIII в.: Ужурский (1760), Аскизский (1771) и затем в 1814 г. из Аскизского выделился Бейский. В 50-х – 60-х XIX в. образовалось сразу пять приходов с чисто хакасским населением на левобережье Енисея (Божеозерский, Усть-Фыркальский, Ново-Марьясовский, Усть-Абаканский, Тайдоновский). С 1873 г. в Енисейской епархии было образовано 12 миссионерских приходов, из них 7 – в Хакасско-Минусинском крае. Священники-миссионеры пяти приходов должны были завершить христианизацию коренного населения.

В отличие от северных частей Тобольской епархии, где приходы новокрещеных были однородными по этническому составу, в южных – со временем они

приобретали смешанный характер. Причинами явились интенсивное освоение русскими более благоприятных для земледелия районов юга Приенисейского края, медленные темпы прироста аборигенного населения и политика правительства и церковных властей, направленная на развитие и укрепление связей русского и коренного населения.

В подтаежной восточной части края стали охватываться церковно-территориальной низовой структурой (Лугавский, Усть-Ербинский, Белоярский, Идринский, Верхне-Кужебарский, Каратузский приходы) так называемые «киселевские» поселения. С притоком переселенцев из центральных и южнорусских губерний России увеличилось количество старообрядцев. В местах проживания старожилов образовались Ермаковский, Каптыревский приходы. Переселенцами из Вятской, Пермской, Тамбовской, Орловской, Саратовской, Витебской губерний было построено четыре приходские церкви (Беллыкская, Моторская, Сабинская, Субботинская). Эти приходы были однородными в этносоциальном отношении, в них практически отсутствовали новокрещены, а старожилы составляли менее 10% прихожан.

Характерной особенностью церковно-приходских организаций в Хакасско-Минусинском крае, как и в целом в Сибири, было несовпадение границ приходов и местных территориально-административных единиц. Но в пределах ясачных волостей, а затем степных дум и родоначалий, они совпадали, так как администрация с одной стороны боялась оттолкнуть их от православия, с другой – рассчитывала на поддержку аборигенных властей в политике христианизации.

Население всех приходов до конца первой четверти XIX в. было смешанным хакасско-русским, что способствовало ассимиляции коренного этноса. Со второй четверти XIX в. в силу процесса консолидации начинается переход хакасов из старожильческих приходов в места нового расселения. Специфика географического размещения – русское население группировалось в основном на правом берегу, коренное – на левобережье Енисея и по реке Абакан, заметно осложняла функционирование клира и решение задач христианизации. Рост количества церквей не успевал за колонизацией, что приводило к увеличению числа прихожан в приходах при прежних штатах и снижало эффективность конфессионального охвата населения. Клир приобретал все большую независимость от конфессиональных общин. При этом наделение духовенства полицейскими обязанностями постепенно ставило причт над обществом. Приходский выбор священнослужителей становился формальным. Дистанция между клиром и прихожанами, особенно новокрещеными, увеличивалась. Еще большим этот социокультурный

разрыв стал с притоком духовенства из центральных и южнорусских губерний России.

В церковно-приходском самоуправлении Хакасии в меньшей степени, чем в Западной Сибири, были развиты демократические традиции. В сельских приходах они сохранялись до конца XVIII в., в общинах новокрещеных не сформировались вообще. Здесь ведущую роль играла родовая верхушка. Попытки светских и духовных властей превратить национальную знать в механизм борьбы с язычеством не привела к серьезным успехам. Поскольку были сильны религиозные традиции хакасов и поверхностным христианство. Низовая управленческая структура автохтонного населения, то есть лидеры традиционного общества, сталкиваясь с русской администрацией, включались в более широкую систему связей и контактов, усваивая элементы новой политической культуры – православной. Как и рядовые сородичи, они сохраняли ориентацию на привычные поведенческие и ценностные ориентиры, перенимая также практику двоеверия у русских с их бытовым православием.

Церковные приходы характеризовались значительными размерами при малом количестве и низкой плотности населения, разбросанностью, наличием селений разного типа, в том числе, временных, и сезонных. Особенно обширными и малонаселенными были приходы крещеного хакасского населения, что снижало эффективность христианизации. Отсутствовали однодеревенские церковно-приходские общины. Состав прихожан отличался социальной и этнической пестротой, что в сочетании с территориальной разобщенностью, мешало формированию демократических традиций и снижало возможности интеграции и ассимиляции коренного населения. В то же время, смешанные старожильческие приходы являлись зонами социокультурных контактов. Здесь шел интенсивный процесс культурно-религиозного взаимодействия и взаимообмена, что объективно способствовало этносоциальной, культурно-хозяйственной интеграции общества.

В смешанных общинах быстрее усваивались христианские идеи и обряды, происходил взаимообмен нормативно-ценностными, поведенческими и трудовыми традициями. Во второй четверти – начале 60-х гг. XIX в. приходы утратили смешанный характер. В 1861 г. новокрещеные проживали только в 24 приходах из 40, в основном старожильческих, в переселенческих их уже не было. Причинами структурных изменений в приходах стали концентрация крещеного хакасского населения в отдельных приходах, ассимиляция части автохтонов, низкий уровень социокультурной адаптации у «киселевских» и «казенных» переселенцев по сравнению со старожилками.

Церковно-территориальная структура Хакасско-Минусинского края всегда находилась на периферии и Западной и Восточной Сибири, вдали от епархиальных властей. Анализ структур и функционирования приходских организаций показал, что церковные институты были недостаточно подготовлены для успешной реализации политики христианизации коренного населения. Приходы новокрещеных не сыграли существенной роли в христианизации и функционировали формально.

Четвертая глава «Опыт и взаимодействие: модификация западносибирской модели христианизации в Хакасско-Минусинском крае (XVII – XIX вв.)» состоит из трех разделов.

В первом разделе «Государственная модель христианизации: эволюция форм и методов» анализируются подходы светской и духовных властей к христианизации коренных народов Сибири. Выделены этапы миссионерской деятельности РПЦ в Сибири.

Христианизация являлась частью общей государственной политики в Сибири, преследующей, в конечном счете, цель ассимиляции коренных народов и растворение их в православном российском социуме. Государственная модель христианизации формировалась под влиянием перемен во внутри- и внешнеполитическом курсе Российской империи, культурных ориентиров. Она осуществлялась двумя силами – государственными и церковными учреждениями. Государственные установки в отношении аборигенов как подданных, характеризовались сдержанным отношением к массовым крещениям и известной веротерпимостью к сложившимся религиозным верованиям автохтонов. Эти общие установки корректировались РПЦ, структуры которой их реализовывали, а узковедомственные интересы диктовали ускоренные темпы христианизации. РПЦ не учитывала естественно-географические, ХКТ и другие особенности районов, таких как север Западной Сибири, Бурятия, двух горнозаводских округов, приграничное положение территорий, в то время светская власть в той или иной степени их декларировала.

Исторически имели место три формы христианизации: целенаправленная государственная политика, осуществляемая служителями на казенном содержании через ружные церкви; ведомственная – белым духовенством и миссионерами посредством проповедей или насильственного обращения «инородцев-язычников»; через непосредственные контакты с русскими носителями православной веры в процессе совместной хозяйственной деятельности, повседневной жизни. Методы христианизации условно можно разделить на насильственные (уничтожение идолов, штрафы за невыполнение православных обрядов, массовые крещения, со-

провождавшиеся насилием) и ненасильственные (средства религиозного убеждения, материальные поощрения, денежные вознаграждения, освобождение от повинностей, выдача вещей, предметов православного культа; духовные миссии, школы, перевод религиозных текстов на национальные языки).

Методы варьировались в зависимости от ситуации в регионе, в котором проводилась миссионерская деятельность, времени осуществления активного миссионерства. Для обозначения православных «ясачных иноземцев» использовали термин «новокрещены» или «новокрещенные». Отделяя их от русских и автохтонов Сибири, власти осознавали неустойчивость в вере неофитов.

С точки зрения эволюции форм и методов в государственной политике христианизации в Сибири, в том числе, Хакасско-Минусинском крае выделяются этапы:

I этап, XVII в. – первичное знакомство с православной верой при общении с русскими пришлыми казаками и промысловиками

II этап, 1700–1764 гг. – отсутствие единых принципов, форм и методов. Крещение осуществлялось эпизодически преимущественно в форме миссионерской деятельности, преобладали насильственные методы; крещение осуществлялось. Была разработана система учреждений, методов, инструкции для миссионеров, оформлен статус новокрещенных.

III этап, 1764–1799 гг. – епархиальное миссионерство, провозглашение принципа веротерпимости; средства христианизации – экономические, законодательные, административные, социальные, организационные (строительство церквей новокрещенных), финансовые, в то время как просветительские находились на втором плане.

IV этап, 1800–1825 гг. – приходский этап миссионерской деятельности; разработка нерелигиозных методов христианизации, отказ от политики массовых крещений, проведение богослужений в отдаленных местах; учреждение миссий и походных церквей.

V этап, 1825–1861 гг. – поиск форм и методов миссионерской деятельности, изменение целей: переход от формального крещения к утверждению христианства и русификации; активная законодательная деятельность государства в религиозной сфере, жесткий контроль со стороны церкви и государства; борьба с проявлением иных религиозных обрядов.

VI этап, 1860-е – конец XIX в. – формальное завершение крещения нерусских народов Российской империи, переход к политике русификации и ассимиляции.

С 60-х гг. XIX в. деятельность православной миссии среди нерусских народов

Российской империи была признана неэффективной на официальном уровне. РПЦ видела причины неудачи в политике веротерпимости, слабой финансовой и организационной поддержке государства, неподготовленности самих миссионеров. Стали разрабатываться новые формы и методы миссионерской деятельности, модернизироваться уже апробированные: использование в богослужебной деятельности языков коренных народов Сибири, распространение переводной духовной литературы, подготовка священнослужителей из крещеных автохтонов, просвещение автохтонов.

Для интеграции коренных народов Сибири, разнородных в этническом и конфессиональном отношении, стала активно проводиться политика русификации. Но цель политики – привязать нерусские народы к Российской империи не была достигнута. Напротив русификация, стимулировала рост этнической консолидации, которая в силу своей природы объективно противодействовала христианской миссии.

Реальные модели христианизации аборигенной Сибири определялись совокупностью объективных, био-социокультурных факторов с некой интеграцией светского и церковного начал. Каждый регион при своем пребывании в составе России проходил несколько этапов: собственно присоединение; постепенная инкорпорация; ассимиляция. Эти процессы имели региональные особенности и проходили асинхронно.

Во **втором** разделе **«Христианизация хакасов как модификация западно-сибирской модели»** проанализированы особенности реализации политики христианизации в Хакасско-Минусинском крае.

Методы христианизации совпадали с методами и задачами укрепления государственности в крае. Власть опиралась на местную родовую знать, оставляя за ней все властные полномочия, которыми она владела раньше. В качестве проявления лояльности ее представителям предлагалось принять крещение, открыть в своих землях церковь, пригласить священника, при условии исповедования язычества, а не какой-либо монотеистической религии. Рядовое население подвергалось крещению, только если от него исходила инициатива. В Западной Сибири формы христианизации эволюционизировали от деятельности подвижников-миссионеров до учреждения специальных миссий.

Первичное знакомство хакасов с христианством произошло в XVII в. когда в процессе присоединения края к Российскому государству появились русские. На первом этапе шел процесс освоения основ православной веры и свершение акта крещения. К концу XVII в. в христианство были обращены подгородные качинцы

и аринцы. Новокрещенные встречались в районах расселения русских, при этом основные территории обитания аборигенного населения не были охвачены.

Во второй четверти XVIII в. в результате деятельности православных миссий в Томском и Енисейском уездах были крещены чулымские татары по рекам Белый Июс и Кия, камасинцы, вошедшие позднее в состав качинцев, сеоки, жившие по р. Томь и близ Ачинска. К 60-м гг. XVIII в. в православие было обращено 39,2%. Увеличение доли новокрещенных связано с деятельностью митрополита Сильвестра (1749–1755), бывшего начальника Поволжской Новокрещенской конторы и расширением спектра льгот новокрещеным.

На этапе епархиального миссионерства (1764–1799 гг.) проводились массовые крещения штатными тобольскими миссионерами Алексеем Михайловским и Никитой Арамельским. К концу XVIII в. было крещено более чем в два раза больше человек, чем за весь предшествующий период (2400 и 5364 соответственно), доля новокрещенных составила 32,7% всего хакасского населения. Причины успешной христианизации связаны с благоприятной этнодемографической ситуацией, характеризующейся численным преобладанием русского этноса, преимущественно сибирских старожилов. Хакасский этнос наоборот находился на стадии «собирания» родов-сеоков, процесс консолидации, прерванный трагическими событиями 1703 г., только начался. Менее успешно христианизация происходила в зонах смешанного расселения и более результативно – в зонах с хакасским населением, особенно в Уйбатской и Ужурской степях.

В 1800–1825 гг. снизились темпы христианизации. За четверть века крещено было всего 877 человек, в то время как количество автохтонов возросло на 4 806 человек. Доля новокрещенных хакасов составила 29,46%, т.е. сократилась на 3,24%. Произошел массовый отход от православия новообращенных, в отдельные годы – до 25%.

Упадок в миссионерской деятельности в Хакасско-Минусинском крае, начавшийся в конце XVIII в., продолжался до середины XIX в. За полвека было крещено около тысячи человек, при увеличении хакасского этноса более чем на 7 тысяч. Это означало, что новокрещенные не крестили своих детей.

К 1851 г. было крещено 31,57% хакасов, в 1861 г. – 49,4%. Преодоления отрицательной динамики было вызвано активизацией законодательной деятельности государства в религиозной сфере, усиление контроля, разнообразия форм и методов христианизации.

К концу 90-х гг. XIX в. не охваченной крещением осталась только 1/13 часть коренного этноса. Это люди пожилого возраста и малолетние дети: первые не

стремились менять свои убеждения, которые они унаследовали от дедов и прадедов, а вторые не были крещены их родителями. Таким образом, к 1897 г. формально завершилась христианизация коренного населения Хакасско-Минусинского края.

В Хакасско-Минусинском крае, как и в Прибайкалье, в отличие Северо-Западной Сибири, Туруханского края, где крещением аборигенов занимались в основном монастыри, эти функции были возложены на приходское духовенство. Массовых крещений хакасов, в отличие от Якутии, Западной Сибири, практически не было, за исключением непродолжительного периода деятельности тобольских миссионеров на этапе епархиального миссионерства.

Организация миссионерской деятельности в Приенисейском крае значительно отставала от соседних территорий, здесь практически не было миссий. Территория Хакасско-Минусинского края не попадала в орбиту деятельности ближайшей к ней Алтайской духовной миссии, которая больше ориентировалась на борьбу с исламским прозелитизмом в Горном Алтае. Единственный приход являвшийся станом Алтайской духовной миссии – Матурский, располагался на территории Кузнецкого уезда Томской губернии. В нем числились около 500 шорцев и 1500 сагайцев, находившихся в административном подчинении Минусинского уезда Енисейской губернии, до их отдаленных улусов проповедь алтайских миссионеров не доходила.

Администрация степных дум, местные органы власти, епархиальное духовенство практически не взаимодействовали из-за территориальных, административных и ведомственных трудностей и разногласий. Слабость церковной организации, особенности колонизационно-миграционных процессов обусловили реализацию христианизации коренного населения края преимущественно «снизу» до 60-х гг. XIX в. посредством контактов автохтонного и пришлого населения в смешанных церковных приходах, ставших зонами цивилизационного, культурного «фронта».

Этнодемографический фактор оказывал опосредованное влияние на процесс и результаты христианизации. Известно, что в Якутии, где меньше всего русского населения, уже к 1815 г. было крещено 99,9% автохтонов (самый высокий показатель в Восточной Сибири). Значительную роль в христианизации сыграла новая формирующаяся хакасская знать, получившая в результате первой ясачной реформы податные привилегии.

В третьем разделе «Результаты христианизации хакасов» проанализированы последствия христианизации.

К концу XIX в. процесс крещения в виде формального акта был завершен, но при этом всего 6% хакасского этноса формально исполняли обряды и около 2% крещеных хакасов не только регулярно исполняли обряды, но и осознанно воспринимали новую веру.

В зонах смешанного хакасско-русского населения одновременно с христианизации происходила ассимиляция. Получила развитие организационная основа – приходская, территориальная община, для взаимодействия различных бытовых, хозяйственных укладов, религиозных воззрений, социокультурных ценностей. В хозяйственной деятельности стал распространяться оседлый образ жизни и земледелие. Часть хакасских родов, в основном северные качинцы, принявшие крещение в XVII–XVIII вв., жили оседло в деревнях, расположенных близ Красноярска. В оседлое состояние перешли от 4 до 6% хакасов, появилась особая категория работавших по найму для уплаты ясака. В отдельных этнических группах начался процесс русификации и распространились православные обряды. Приходы с преобладанием земледельческих занятий отличались большей долей новокрещеных. Степень распространения земледельчества напрямую была связана с христианизацией, так как появились аграрные праздники, представленные в православии.

Имели место единичные случаи исполнения православной обрядовой практики: венчание браков, исповедование, причастие, крещение младенцев, погребение умерших.

В итоге взаимодействия местных политеистических культов с одной из мировых религий сформировался религиозный синкретизм. Это было результатом проникновения христианства «снизу», в контактных зонах. Оказывал влияние и этносоциальный фактор, русское крестьянское окружение исповедовало бытовое православие и, в силу присущего ему прагматизма, не проявляло религиозной нетерпимости, более того, воспринимало некоторые идеи шаманизма.

В результате христианизации не произошло смены этнического самосознания и этнической идентичности, религиозные верования хакасов были более приспособлены для традиционного уклада и соответствовали их образу жизни. Православие, не отрицая злых духов «шайтанов», выбивало почву из-под христианства в глазах коренного населения. Сохранялось известное противостояние между миром языческим и православным, но в силу давней традиции сосуществования и прагматичного взаимообмена культурными традициями и хозяйственно-бытовыми навыками в местах компактного проживания, оно не переросло в антагонизм.

Религиозную жизнь крещеных хакасов характеризовало формальное отношение к новой вере, незнание основ ее догматов, нарушение обрядности и эпизодическое ее выполнение. В ярко выраженной двоеверии ведущее место занимал шаманизм. Русский священник и его вера в обыденном сознании воспринимались как злое начало в жизни. Скорее всего, в этом сказалась историческая память этноса, особенно родовой верхушки, о почти вековой вооруженной борьбе против прихода в их земли чужаков-русских с иным ХКТ, укладом и верой.

Христианизация в Хакасии, как и в других районах Сибири, вопреки официальной сверхзадаче русифицировать (соблюдая толерантность) коренное население, привела к обратному результату – ускорился процесс этнической консолидации и самоидентификации хакасской народности. Бывшие кыштымные рода-сеоки (бельтыры, сагайцы и др.) более охотно принимали христианство. Это поднимало их общий статус до статуса господствующих киргызских родов-сеоков. Христианизация, таким образом, отрицала бытовавшую самую архаичную форму родоплеменного неравенства, так называемую «этническую эксплуатацию».

Положительным результатом христианизации было овладение этносом более прогрессивными формами хозяйства, коммунальной и духовной жизни, в частности, грамотой. Власти через крещение проводили принцип равноправия всех родов-сеоков, запрещая архаичную этническую таксономию – господствовавшие (старшие) рода-сеоки енисейских киргызов и приравненные к ним кыштымские (черные) рода-сеоки полностью, хотя и формально, в силу антиномии «свой – чужой», крестились, а потомки старой аристократической верхушки енисейских киргызов упорно сопротивляясь христианской миссии, использовали то позитивное, что несли с собой русские.

Хакасский этнос не сложился и представлял в этот период времени конгломерат различных родовых групп-сеоков (кость) без прежней знати – потестарных лидеров. Менталитет степняков широко использовался родоплеменной знатью для утверждения своего авторитета среди родовичей. Поэтому, хотя они в большинстве своем принимали православие, но оно носило поверхностный характер, на что русские власти закрывали глаза.

Качественно важным моментом стало формирование новой хакасской элиты по этническому признаку и социально-экономической сущности. Вместо старой знати в лице енисейских кыргызов и их родов, сформировалась верхушка из представителей оставшихся родов-сеоков. Новая знать, имея значительные материальные средства и идеологию степняков, практически не имела возможности войти в русское потомственное дворянство. Все это не способствовало ее транс-

формации в прорусски ориентированную часть хакасов. Российское административное переустройство Сибири (с 1764 по 1822 гг.) санкционировало традиционные внутриплеменные отношения, веками освященные обычным правом и родовой идеологией, что мешало превращению новой хакасской знати в последовательного проводника политики христианизации.

Таким образом, можно сделать вывод, что под влиянием христианизации активизировалась консолидация хакасского народа, начались национальная самоидентификации и формирование самосознания. В изучаемый период не произошло смены социокультурной, религиозной идентичности хакасского этноса.

В **Заключении** подведены основные итоги исследования и обозначены перспективы дальнейшего изучения проблемы.

В течение трех с лишним столетий варьировались модели христианизации коренных народов Сибири, обусловленные с одной стороны, аборигенной политикой центральных светских и духовных властей, с другой – административной практикой, обусловленной рядом факторов.

Метод моделирования позволил, абстрагируясь от эмпирического материала, локализовать христианизацию коренного населения Хакасско-Минусинского края от аналогичных процессов в различных зонах Западной Сибири, как модификацию, тяготеющую к идеальному естественноисторическому типу, не деформированному внешними факторами.

Анализ географо-демографических, хозяйственных, социально-политических условий Хакасско-Минусинского края позволили выявить его типологическое сходство с западносибирским регионом. При этом христианизация хакасов отличалась по формам и методам от крещения автохтонов собственно Западной Сибири. Здесь имел место классический для зоны с традиционным скотоводческим хозяйством вариант христианизации без деформирующих факторов (приграничное положение, развитая горнозаводская промышленность как на Алтае, высокая плотность русского населения, присутствие ислама и буддизма и развитое миссионерство).

Как показал опыт реконструкции в Хакасско-Минусинском крае реализовалась в чистом виде казенная модель христианизации коренного населения с известной гармонией светского и духовного начал, последнее не получило полную возможность реализации в силу специфики формирования структуры РПЦ.

Корреляция динамики количественных показателей новокрещеных и эволюции форм и методов показала, что эта модификация имела особенности.

1. Второстепенная роль природно-демографических, хозяйственных, социокультурных условий, факторов и предпосылок. Они являлись объективной, скрытой, но наиболее прочной формой восприятия христианства.
2. Ярko выраженный волевой, организованный через миссионерство, путь обращения в православие, обусловивший его формальный, поверхностный характер.
3. Часть потомков старых аристократических родов-сеоков енисейских киргизов и новая имущая управленческая знать из местных, не полностью как обычно, выступила проводником политики русской власти, в том числе, в области христианизации. Более того, у качинцев, как потомков, в основном старого господствующего страта населения четырех киргизских княжеств-землиц, срабатывала историческая обида за лишение их политического лидерства.
4. Сформировалась общая негативная в морально-нравственном и этическом отношении оценка сути и носителей новой веры.
5. Отношение к христианству было дифференцированным и зависело от старой «дорусской» этносоциальной структуры населения Хакасии – подневольные прежде кыштымские рода-сеоки полностью, хотя и формально, в силу антиномии «свой – чужой», крестились. Потомки старой аристократической верхушки енисейских киргизов упорно сопротивлялись христианской.

Качественные результаты христианизации прослеживаются практически во всех сферах жизни: в прогрессе материальной культуры, вхождении в социально-политическую инфраструктуру управления и самоуправления. Объективным последствием христианизации стало формирование новой идентичности хакасского этноса. Во многом из-за активной русской колонизации и христианизации у них как бы реанимировались самосознание, самоидентификация, но на несколько ином уровне, на новой правовой и идеологической основе, происходила рефлексия при столкновении с «чужими», осознание собственной идентичности, что лежит в основе этнического самосознания. Члены общества осознали свое единство, но на внутреннем уровне, в силу богатого исторического прошлого потестарного и раннеклассового типа, они еще различались и различаются до настоящего времени.

Христианизация вопреки общей государственной установке – ассимиляция, привела к результату – завершился процесс этнической консолидации хакасского народа, уже не трайбалистского, а развитого традиционного типа, в неявной фор-

ме сохранялась лишь дорусская этносоциальная таксономия. Христианизация форсировала процесс этногенеза хакасской народности, не расколов при этом этнос на крещеных и язычников.

Под влиянием русской колонизации и православизации установились этносоциальные, культурные контакты хакасского и русского народов, способствующие усложнению социально-экономической, политико-культурной жизни коренного этноса.

**Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:
Статьи в журналах, рекомендованных ВАК:**

1. Асочакова, В.Н. The Russian Orthodox Church in the Khakass-Minusinsk Region under the Circumstances of its Settling (the 18 c. – the 1860s) [Текст] / В.Н. Асочакова // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 455–461 (0,6 п.л.).

2. Асочакова, В.Н. Материалы церковного учета населения как источник изучения крещения коренных народов Сибири (на примере Хакасско-Минусинского края) [Текст] / В.Н. Асочакова // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2009. – Вып. 29, № 4. – С. 96–100 (0,4 п.л.).

3. Асочакова, В.Н. Роль приходских общин новокрещеных в распространении православия в Хакасско-Минусинском крае в XVIII – первой четверти XIX века [Текст] / В.Н. Асочакова // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2009. – Вып. 30, № 6. – С.23–28 (0,52 п.л.).

4. Асочакова, В.Н. Проблема межэтнического взаимодействия в Сибири в XVIII–XIX вв. в ходе христианизации коренного населения Хакасско-Минусинского края [Текст] / В.Н. Асочакова // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2009. – Вып. 38, № 37. – С. 92–96 (0,5 п.л.).

5. Асочакова, В.Н. Становление русской православной церкви в Хакасско-Минусинском крае в XVIII – первой четверти XIX в. [Текст] / В.Н. Асочакова // Известия Алтайского государственного университета. Сер. история и политология. – 2009. – № 4/1. – С. 20–25 (0,6 п.л.).

6. Асочакова, В.Н. Государственная религиозная политика по отношению к старообрядцам (XVIII в. – 1861 г.) и особенности ее реализации в Хакасско-Минусинском крае [Текст] / В.Н. Асочакова // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 8. – С. 5–12 (0,7 п.л.).

7. Асочакова, В.Н. Алексей Михайловский – священник и миссионер [Текст] / В. Н. Асочакова // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 11. – С. 6–11 (0,6 п.л.).

8. Асочакова, В.Н. К вопросу о периодизации миссионерской деятельности Русской православной церкви в Сибири [Текст] / В.Н. Асочакова // Известия Алтайского государственного университета. Сер. история и политология. – 2009. – № 4/3. – С. 15–18 (0,5 п.л.).

9. Асочакова, В.Н. Христианизация хакасов во второй четверти XIX в.: к проблеме кризиса миссионерской деятельности [Текст] / В.Н. Асочакова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 1. – С. 37–41 (0,8 п.л.).

10. Асочакова, В.Н. Эволюция сословно-классовой структуры населения Хакасско-Минусинского края в контексте политики христианизации (XVIII – начало 60-х гг. XIX в.) [Текст] / В.Н. Асочакова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 9. – С. 5–11 (0,74 п.л.).

Монографии и учебные пособия:

1. Асочакова, В.Н. Христианизация хакасов в XVIII веке – 1861 г. (до образования Енисейской епархии) [Текст] / В.Н. Асочакова. – Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2008. – 248 с. (14 п.л.)

2. Асочакова, В.Н. Русская православная церковь в истории Хакасско-Минусинского края в XVIII-первой четверти XIX вв. [Текст] / В.Н. Асочакова. – Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2005. – 204 с. (11 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

1. Асочакова, В.Н. Православие и коренное население Хакасско-Минусинского края в XVIII в. [Текст] / В.Н. Асочакова // Научное наследие Н.Ф. Катанова и современное востоковедение : материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Н.Ф. Катанова. – Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2003. – С. 229–235 (0,35 п.л.).

2. Асочакова, В.Н. К проблеме крещения хакасов в XVIII – первой четверти XIX вв. [Текст] / В.Н. Асочакова // Макарьевские чтения : материалы третьей международной конференции (21–22 ноября 2004 г.). / отв. ред. В.Г. Бабин. – Горно-Алтайск : РИО Горно-Алт. гос. ун-т, 2004. – С. 48–56 (1,0 п.л.).

3. Асочакова, В.Н. Сельские приходы и прихожане в Хакасско-Минусинском крае в XVIII в. [Текст] / В.Н. Асочакова // Вестник Хакасского государственного ун-та им. Н.Ф. Катанова. Сер. История и право. – 2003. – С. 24–27 (0,5 п.л.).

4. Асочакова, В.Н. Некоторые аспекты этноконфессиональной ситуации в Хакасско-Минусинском крае в позднефеодальный период [Текст] / В.Н. Асочакова // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы V Международной научно-практической конференции (31 мая – 1 июня 2007 г., г. Улан-Удэ). – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – С. 96–103 (0,5 п.л.).

5. Асочакова, В.Н. Этнодемографические условия деятельности русской православной церкви в Хакасско-Минусинском крае в XVIII в.–1862 г. [Текст] / В.Н. Асочакова // Вестник развития науки и образования. – 2007. – № 5. – С. 71–76 (0,7 п.л.).

6. Асочакова, В.Н. Христианизация коренного населения Хакасско-Минусинского края в условиях политики веротерпимости (последняя треть XVIII в.) [Текст] / В.Н. Асочакова // Научная жизнь. – 2007. – № 5.– С. 49–54 (0,6 п.л.).

7. Асочакова, В.Н. Эволюция политики христианизации в первой четверти XIX в. и ее результаты (на примере Хакасско-Минусинского края) [Текст] / В. Н. Асочакова // Социально-экономические проблемы Саяно-Алтая : приложение к «Вестнику КрасГАУ» : сб. науч. тр. / Краснояр. гос. аграр. ун-т, Хакасский филиал. – Красноярск, 2007. – Вып. 3. – С. 12–16 (0,5 п.л.).

8. Асочакова, В.Н. Демократические традиции в церковно-приходских общинах в XVIII – первой четверти XIX вв. [Текст] / В.Н. Асочакова // Социально-экономические проблемы Саяно-Алтая : приложение к «Вестнику КрасГАУ» : сб. науч. тр. / Краснояр. гос. аграр. ун-т, Хакасский филиал. – Красноярск, 2007. – Вып. 3. – С. 16–20 (0,5 п.л.).

9. Асочакова, В.Н. Духовное образование в условиях российской модернизации [Текст] / В.Н. Асочакова // Россия в мировом сообществе цивилизаций: история и современность : III Международная научно-практическая конференция : сб. ст. – Пенза : РИО ПГСХА, 2007. – С. 26–29 (0,2 п.л.).

10. Асочакова, В.Н. Христианизация коренных народов Сибири в контексте ясачной политики российского правительства в XVIII – начале XIX вв. [Текст] / В.Н. Асочакова // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов : материалы VIII международной конференции (Горно-Алтайск, 19–23 сентября 2007г.) : в 2 т. – Горно-Алтайск : РИО Горно-Алт. гос. ун-т, 2007. – Т. I. – С. 138–141 (0,4 п.л.)

11. Асочакова, В.Н. Религиозно-конфессиональные условия христианизации коренного населения Хакасско-Минусинского края (XVIII в. – 1861 г.) [Текст] /

В.Н. Асочакова // Пишем времена и случаи : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ (Новосибирск, 25–26 апреля 2008 г.) / под ред. В.А. Зверева. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. педагог. ун-та, 2008. – С. 25–30 (0,5 п.л.).

12. Асочакова, В.Н. Православные традиции в культурно-эстетических представлениях русского населения Хакасско-Минусинского края в XVIII-XIX вв. [Текст] / В.Н. Асочакова // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунаро. науч. конф. / под ред. Т.К. Щегловой, И.В. Октябрьской. – Барнаул, 2008. – Вып. 7. – С. 262–265 (0,4 п.л.).

13. Асочакова, В.Н. Этнодемографическая структура населения Хакасско-Минусинского края (XVIII в. – 1861 г.) как фактор христианизации коренного населения [Текст] / В.Н. Асочакова // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая : материалы Второй международной научной конференции (23–25 ноября 2008 года) / отв. ред. В.Г. Бабин. – Горно-Алтайск : Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2008. – С. 11–17 (0,8 п.л.).

14. Асочакова, В.Н. О миссионерской деятельности в Хакасско-Минусинском крае во второй четверти – середине XIX в. (по отчетам священнослужителей) [Текст] / В.Н. Асочакова // Макарьевские чтения : материалы седьмой международной конференции (21–23 ноября 2008 года) / отв. ред. В.Г. Бабин. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2008. – С. 25–37 (1,5 п.л.).